

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н. И. Соболев

Драматургия Г. Р. Державина

Учебное пособие

по курсу «История русской литературы XVIII в.»

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2012

УДК 821.161.1-2
ББК 83.3 (2=Рус)
С 544

Рецензенты:

В. В. Яковлев, канд. филол. наук, доцент,
К. Г. Тарасов, канд. филол. наук, доцент

Издается в рамках реализации комплекса мероприятий
Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

Соболев, Н. И.

С 544 Драматургия Г. Р. Державина : учеб. пособие по курсу
«История русской литературы XVIII в.» / Н. И. Собо-
лев. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2012. – 44 с.

ISBN 978-5-8021-1440-7

Учебное пособие посвящено рассмотрению ключевых вопро-
сов поэтики драматических произведений Г. Р. Державина. По-
сobie призвано оказать помощь студентам при освоении курса
«История русской литературы XVIII в.»

УДК 821.161.1-2
ББК 83.3 (2=Рус)

© Соболев Н. И., 2012
© Петрозаводский государственный
университет, 2012

ISBN 978-5-8021-1440-7

СОДЕРЖАНИЕ

Драматические произведения Г. Р. Державина: издания, критика	4
Поэтика исторической драмы Державина	10
Художественная функция предисловия	12
Трагедия «Ирод и Мариамна»	13
Трагедия «Темный»	20
Трагедия «Евпраксия»	23
Историческая концепция Державина	30
Заключение	33
Список использованных источников и литературы	34

ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ Г. Р. ДЕРЖАВИНА: ИЗДАНИЯ, КРИТИКА

Драматические произведения Г. Р. Державина в течение долгого времени оставались в тени его лирики. Литературные критики XIX в. считали их малоинтересными, вторичными среди грандиозного объема творческого наследия Державина. Они почти не переиздавались. Между тем наследие Державина-драматурга обширно, и для студента-филолога оно несомненно интересно не только в качестве эпизода истории русского театра, но и глубокой идейной перспективой, открытиями, новаторством в области драматического действия. Учебное пособие призвано оказать помощь студентам при освоении курса «История русской литературы XVIII в.»

Первые произведения в драматическом роде были написаны Державиным в 1786 году – это «Пролог в одном действии с музыкою на открытие в Тамбове театра и народного училища» и программа праздника «Торжество восшествия на престол императрицы Екатерины II». В 90-е годы были созданы еще три небольших представления: «Родственное празднество на брачное воспоминание князя Александра Алексеевича и княгини Елены Никитичны Вяземских» /1791/, «Пролог аллегорический на рождение в Севере Любви в одном действии» /1799/ и «Пролог на рождение в Севере порфирородного отрока почерпнутый из древнего варяго-русского баснословия, в трех действиях» /1799/. Эти небольшие произведения можно назвать пробой пера, тем не менее они важны для понимания вектора художественных поисков автора. Державин осознает драму как художественную форму, в которой синтезируются искусства, форму, создающую художественную условность, в которой соединяются история и современность, мифопоэтика и быт. Кроме этого, по свойству природы, а часто и из прагматических соображений, Державин стремился быть в эпицентре общественной жизни, и драма стала для него средством отклика на

различные текущие события. Историзм и художественная синтетичность – это те художественные особенности, которые отличают творческий метод Державина в драматических произведениях, созданных с 1804 по 1816 год.

В это время были созданы такие произведения, как: «Добрыня, театральное представление в пяти действиях с музыкою» /1804/, «Кутерьма от Кондратьева. Детская комедия в одном действии, с хорами» /1806/, «Пожарский, или Освобождение Москвы. Героическое представление в четырех действиях, с хорами и речитативами» /1806/, трагедии «Ирод и Мариамна» /1807/, «Евпраксия» /1808/, «Темный» /1809/, «Атабалибо, или Разрушение Перуанской империи» /неоконченная, 1808–1815/; либретто комических народных опер «Дурочка умнее умных» /1808–1814/, «Рудокопы» /1808–1814/, либретто оперы «Грозный, или Покорение Казани» /1814/, «Эсфирь» /1814/, «Батмендий» /неокончено, б. д./, «Счастливый горбун» /неокончено, б. д./, либретто комической народной оперы «Девушка на возу» /неокончено, б. д./.

Интерес Державина к драме выразился также и в переводческой деятельности, в это время были переведены трагедии П.-Б. Де Беллуа «Зельмира» /1808/, «Тит» /неокончено, б. д./, Ж. Расина «Федра» /1809/, либретто к операм П. Метастазиио «Тит» и «Фемистокл». Также в архиве Державина сохранились наброски переводов либретто к операм П. Метастазиио.

Отношение к драматургии Державина сложилось под влиянием литературной критики первой половины XIX в. Впервые низкая оценка драматургии Державина прозвучала в работе А. А. Бестужева (1824) «Взгляд на старую и новую словесность в России»¹. В статье «О Державине» (1832) Н. А. Полевой отводит второстепенное место драматическим произведениям в контексте всего творчества, заключая свои суждения следующей негативной оценкой: «В последний период уже грустно смот-

¹ Цит. по: Декабристы. Эстетика и критика. М., 1990. С. 88.

реть на Державина. Целый век ошибавшись в своем гении, он более всего ошибался в последние годы. Никакого впечатления не произвели две большие театральные пьесы, помещенные им в четвертом томе Сочинений – «Добрыня» и «Пожарский»². В. Г. Белинский в программных статьях, посвященных творчеству Державина, обходит молчанием его драматургию³. «Ничтожными» называл пьесы Державина С. С. Шашков⁴. Пренебрежительно-негативная оценка драматургии Державина содержится и в мемуаристике С. Т. Аксакова⁵, В. И. Панаева⁶, С. П. Жихарева⁷. Пожалуй, единственным благожелательным откликом на драматические опыты Державина стала рецензия П. Арапова на постановку трагедии «Ирод и Мариамна»⁸.

Негативное отношение литературной критики к произведениям Державина в драматическом роде сказались и на очень сдержанной оценке драматургии поэта, данной Я. К. Гротом во вводной статье к 4-му тому Полного собрания сочинений: «Каково бы ни было художественное достоинство драматических его произведений, в них заключается несомненный исторический интерес не только по связи их с другими литературными явлениями эпохи, по их значению для полной характеристики Державина, но и по встречающимся здесь, как и в прочих его сочинениях, применениям к современным обстоятельствам».

² Полевой Н. А. и Полевой Кс. А. Литературная критика. Статьи и рецензии. 1825–1842. Л., 1990. С. 153.

³ Белинский В. Г. Сочинения Державина <Статья первая> и вторая // Собрание сочинений: В 9 т. М., 1981. Т. 6. С. 7–74.

⁴ Шашков С. С. Литературный идол // Дело. 1877. № 6. Современное обозрение. С. 27–28.

⁵ Аксаков С. Т. Семейная хроника и воспоминания. М., 1856. С. 532.

⁶ Воспоминания В. И. Панаева // Вестник Европы. Т. 3. Сент. С. 193–270.

⁷ Жихарев С. П. Записки современника. М.-Л., 1955. С. 672–690.

⁸ Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861. С. 190.

В XX в. в науке о Державине постепенно произошло переосмысление значения драматургии Державина⁹. Г. А. Гуковский, А. В. Западов, И. З. Серман подчеркивали важность изучения драматургии Державина в историко-литературной перспективе, отдавая в то же время дань отдельным поэтическим удачам.

В истории изучения драматического наследия Державина особая роль принадлежит В. В. Сперанской¹⁰, в работах которой исследованы такие важные вопросы, как взгляды Державина на драматургию и театр.

Анализируя большое количество материала, Сперанская делает вывод, что у Державина не было единой системы взглядов на театр, однако «его мнения важны для представления об эволюции эстетических воззрений на театр в России в начале XIX в.».

Особо заслуживает внимания исследование Сперанской, посвященное начальному варианту трагедии «Ирод и Мариамна» –

⁹ Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века. М., 2001; Он же. Очерки по истории русской литературы и общественной мысли XVIII века. Л., 1938; Западов А. В. Проблема Державина в журналистике 60-х годов // Из истории русской журналистики второй половины XIX в. Статьи, материалы и библиография. М., 1964. С. 28–43; Серман И. З. Державин. Л., 1967.

¹⁰ Сперанская В. В. Историко-литературная судьба драматургии Г. Р. Державина // Историко-литературный сборник. Калуга, 1970. С. 3–29; Она же. Г. Р. Державин и И. А. Дмитриевский (К творческой истории трагедии Г. Р. Державина «Ирод и Мариамна») // Вопросы русской и зарубежной литературы. Тула, 1971. С. 40–62; Она же. Г. Р. Державин о театре и драматургии // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. Вып. I. Л., 1974. С. 137–148; Она же. Художественное своеобразие исторической драматургии Г. Р. Державина («Пожарский, или Освобождение Москвы») // Проблемы мастерства писателя. Тула, 1975. С. 86–103; Она же. Трагедия Г. Р. Державина «Атабалибо, или Разрушение Перуанской империи» (к истории создания) // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. Вып. 2. Л., 1976. С. 63–73.

трагедии «Ирод Великий» и замечаниям И. Дмитриевского на него, где сделана попытка представить соотношение первой и последней редакций пьесы и показать их связь с замечаниями Дмитриевского. Текст «Ирода», как известно, не был издан, а замечания исследователям не удалось расшифровать полностью. Таким образом, работа Сперанской – первая после Я. Грота попытка ввести в научный оборот практически все замечания Дмитриевского.

Представляет интерес статья А. Г. Никитина (Пермь) «"Хочу попытаться в драматическом поле." Как Державин стал певцом Перми», где прослеживаются связи Державина с Пермским краем и влияние местного фольклора на его творчество.

Подъем интереса исследователей к творчеству Державина наблюдается в 1990-е гг. Во многих городах прошли конференции, посвященные 250-летию со дня рождения поэта. Всероссийский музей А. С. Пушкина совместно с ИРЛИ (Пушкинский Дом), начиная с 1990 года, проводит ежегодные Державинские чтения, посвященные встрече Пушкина и Державина на экзамене в Царскосельском лицее 8 января 1815 года. В Санкт-Петербурге создан Музей Державина, расположенный в особняке на Фонтанке, принадлежавшем поэту¹¹. Углубленное и всестороннее изучение творчества Державина ведется не только в России, но и за рубежом¹².

¹¹ Творчество Г. Р. Державина: проблемы изучения и преподавания: Материалы юбилейной международной научной конференции. 14–16 сентября 1993. Тамбов, 1993; Творчество Державина: специфика, традиции. Научные статьи, доклады очерки (Материалы юбилейной международной научной конференции) Тамбов, 1993; Г. Р. Державин: Личность, творчество, современное восприятие. Тезисы международной научной конференции, посвященной 250-летию со дня рождения поэта. Казань, 1993; Г. Державин. История и современность. Казань, 1993; Державинский сборник. Новгород, 1995;

¹² Эткинд Е. Актуальность Державина // Russian Literature and History. In Honour of Professor I. Serman. Jerusalem. 1989. P. 16–26; Гаврила

К этому времени относятся многие исследования, посвященные изучению драматических произведений Державина. Можно назвать работы Г. И. Гурьяновой и П. В. Омелько, где доказывается связь державинского «Добрыни» с фольклором и «сказочной» литературой XVIII в.¹³, исследование М. Г. Альтшуллера и А. Н. Колоскова, которые на материале трагедии «Ирод и Мариамна» определяют художественный метод Державина-драматурга как «преромантический»; В. А. Бочкарева, выявившего связь» политических трактатов Державина и трагедии «Ирод и Мариамна»¹⁴.

Державин. 1743–1816. Нортфилд, Вермонт, 1995 (Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. Т. IV).

¹³ Гурьянова Г. И. Фольклорные мотивы в театральном представлении Г. Р. Державина «Добрыня» // Г. Державин. История и современность. Казань, 1993. С. 15–16; Омелько Л. В. «Добрыня» Г. Р. Державина // Державинский сборник. Новгород, 1995. С. 4–12.

¹⁴ Бочкарев В. О некоторых особенностях трагедии Г. Р. Державина «Ирод и Мариамна» // Г. Державин. История и современность. Казань, 1993. С. 7–16.

ПОЭТИКА ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ Державина

Выстраивая фабулу своих драматических произведений, Державин использует реальные исторические сюжеты. Сам поэт постоянно говорит об исторической достоверности своих произведений. Так, например, в предисловии к трагедии «Тёмный» автор, обращаясь к читателю, указывает: «... но что однако истину во всякомъ случаѣ священной. Мнѣ кажется, она убѣдительно можетъ дѣйствовать на чувства читателей и зрителей. И потому напоминать исторію, а особливо отечественную, думаю, не бесполезно. Выводить изъ ея мрака на зрѣлище порокъ и добродѣтель, – первый для возбужденія ужаса и отвращенія отъ него; а вторую для подражанія ей и состраданія о ея злополучіяхъ, – главная, кажется, обязанность драматическихъ писателей. Забавы однѣ, а паче примѣры развратовъ недостойны Мельпомены» (383)¹⁵.

Следует отметить, что события, положенные в основу исторической драматургии Державина, имеют достаточно устойчивую общественную оценку. Соответственно, и главные герои трагедий (точнее, их исторические прототипы) закрепились в сознании носителей культуры как воплощение определенных черт.

Ирод Великий воспринимается как воплощение зла, Пожарский как национальный герой, Иван Грозный как символ объединения русских земель, сильной российской государственности, Добрыня – носитель героического начала. Таким образом, главными действующими лицами в трагедиях Державина оказываются реальные исторические персонажи.

¹⁵ Здесь и далее текст цитируется по: Сочинения Державина: [в 9 т.] / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. – СПб.: изд. Имп. Акад. Наук: в тип. Имп. Акад. Наук, 1864–1883. Т. 4. Номера страниц указываются в скобках после цитаты.

Сам Державин был убежден в достоверности изображаемых событий. Так, в предисловии к героическому представлению «Пожарский, или Освобождение Москвы» автор указывает на это: «Вѣдая, что эпическія и драматическія поэмы (разумѣется трагедіи) удобнѣе составляются изъ временъ самыхъ отдаленныхъ, героическихъ и баснословныхъ, въ темнотѣ коихъ свободнѣе сокрывается анахронизмъ, блистаетъ чудесность и усыпляется личность. Но когда предметъ взять почти изъ новой исторіи или близко намъ современной: то хотя первыя и не совсѣмъ инымъ покажутся правдоподобными, но отъ послѣдняго никоимъ образомъ избѣжать не возможно; а потому и не извиняюсь я какими-либо пространными разсужденіями, коихъ бы достаточно къ оправданію принести было можно, но довольствуюсь только припомнить слѣдующій стихъ г-на Ломоносова:

Ни злости не страшусь, ни требую добра;
Не ради васъ пою, для правды...» (133)

Не менее важной является для Державина возможность проведения исторических параллелей с современностью. «В своих драматических произведениях поэт почти всегда рассматривает кульминационные моменты истории, которые имеют определяющее значение для дальнейшего развития страны и общества. При этом события, происходящие на сцене, зачастую введены в более широкий контекст, позволяющий зрителю (читателю) охватить весь исторический период»¹⁶.

¹⁶ Колосков А. Н. Историческая драматургия Г. Р. Державина: художественная реализация мировоззренческих принципов: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук: 10.01.01. СПб., 2000. С. 144.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ФУНКЦИЯ ПРЕДИСЛОВИЯ

В трагедиях Державина предисловия выполняют важную эстетическую функцию. «В культурной традиции рассматриваемого периода предисловия к драматическим произведениям были достаточно распространены. У Ломоносова, Тредиаковского, Плавильщикова, Княжнина и др. предисловия выполняют этикетную функцию: с их помощью авторы частично освобождаются от необходимости включать в речи героев рассказы о каких-либо событиях, жизненных фактах, то есть всего того, что обеспечивает законченность, обусловленность и, как следствие, правдоподобие (один из важнейших постулатов классицизма) произведения»¹⁷.

Однако державинские предисловия имеют ряд особенностей. Державин видит в предисловии больше чем изъяснение.

Известно, что пьесы Державина (за исключением трагедии «Ирод и Мариамна»), не были поставлены, поэтому Державин составлял предисловия, ориентированные более на читателя, чем на зрителя. Одним из первых отечественных драматургов он начал озаглавливать их «К читателю».

Важной особенностью предисловий Державина является создание исторического контекста произведения, комментирование бытовых деталей, также автор оговаривает отступление от реальных исторических событий или введение в произведение вымышленных персонажей.

Таким образом, предисловие в исторических трагедиях Державина имеет следующие функции: историческую, этнографическую, литературно-эстетическую, источниковедческую.

¹⁷ Колосков А. Н. Историческая драматургия... С. 30.

ТРАГЕДИЯ «ИРОД И МАРИАМНА»

«В русской трагедии классицизма действие основывалось на неразрешимых противоречиях в сознании главных героев, при этом авторами проводилась мысль о необходимости подавления чувства во имя долга, подчинения личного общественному»¹⁸.

П. Н. Берков, говоря о ранних трагедиях Сумарокова, отмечал, что, несмотря на то, что некоторые герои-монархи «и являются нарушителями признанной нормы “идеального государя”, но смысл пьесы не в показе этого нарушения и не в возбуждении негодования “смотрителей” против недостойного монарха. Напротив, основная задача драматурга заключается в моральном воспитании зрителей на трагической судьбе героя и героини»¹⁹.

Эти слова можно отнести и к произведениям Державина.

В трагедии «Ирод и Мариамна» суть конфликта, обуславливающего действие в трагедии, можно обозначить словами Ирода «...однако ж общий слух / Мне вероятностью колеблет сильно дух» (324). Эти слова на языке современных исследователей «можно номинировать как воздействие разрушающей коллективной воли на супружеские отношения Ирода и Мариамны. Под данной формулировкой имеется в виду следующее: Соломия и Антипатр, привлекая некоторых подданных, стремятся овладеть властью (коллективная воля), для этого они ложью и интригами воздействуют на Ирода, известного своей подозрительностью и ревностью, который при этом страстно любит свою супругу Мариамну, отвечающую ему взаимностью (семейные отношения). Конфликтная ситуация в трагедии возникает в процессе разрушения названных семейных отношений, причем разрушение производится частью этой семьи (Иродом), подвергающейся воздействию внешней воли»²⁰.

¹⁸ Москвичева Г. В. Русский классицизм. М., 1986. С. 51.

¹⁹ Берков П. Н. А. П. Сумароков Л.-М., 1949. С. 43.

²⁰ Колосков А. Н. Историческая драматургия... С. 55.

В начале пьесы Соломия и Антипатр в своем диалоге демонстрируют коллективную волю, говоря о своих происках против Ирода и его супруги. Это становится началом крушения семейных отношений главных героев, которые до вмешательства родственников были идеальны:

Мариамна

Тринадцать лѣтъ, дражайшій мой супругъ,
Какъ страстнымъ пламенемъ къ тебѣ возжженъ мой духъ;
Тринадцать лѣтъ, какъ я съ тобою сопряжена
И всякій часъ тобой, какъ въ первый разъ, плѣненна.
Но что мнѣ изъяснять любви сей давность лѣтъ?
Не съ самыхъ ли тѣхъ поръ, какъ я познала свѣтъ,
Какъ изъ пелень моихъ во цвѣтъ дѣвъ явилась,
Въ супруги я тебѣ судьбой опредѣлилась?
Такъ, вѣрь ты, вѣрь сему: едва я стала жить,
Ужъ мнѣ назначено судьбой тебя любить;
Лишь чувства нѣжныя во мнѣ вскрываться стали,
Желанія мои лишь счастья взалкали, —
Ужъ нѣкій тайный гласъ въ груди моей вѣщалъ,
Любовникомъ тебя, супругомъ называлъ.
Не знала я тебя, но я тебя искала;
Не зрѣла я тебя, но зрѣть тебя желала.

<...>

Ирод

(Умягченно.)

И я счастливъ тобой ... (236–237)

Приведенный диалог происходит в четвертом явлении второго действия, то есть после того, как клеветой Антипатра и Соломии была разбужена ревнивая подозрительность Ирода. То, что уже первая попытка приносит результат, говорит о некоторой неустойчивости их семейных отношений, обусловленной личностными качествами Ирода: он ревнив, болезненно подозрителен и крайне жесток:

Преступнымъ предо мной раскаяніе поздно,
И словомъ, кто мою потрясть предприметь власть,
Тѣхъ горестна, бѣдна и смертоносна участь:
Кровавыхъ рекъ слѣды за ними псы полижутъ...
Развѣю самый прахъ! (227)

Другой удар семейным отношениям Ирода и Мариамны исходит от «сродника» Мариамны Соверна, который опасается гнева царя, если тот узнает, что Соверн раскрыл царице тайный приказ убить ее в случае смерти Ирода:

Совернь

(Одинъ.)

Что сдѣлалъ я? Напасть!
О пагубна къ вѣстямъ и пересказамъ страсть!
Но если свѣдалъ царь вселенныя въ столицѣ,
Что я предатель былъ и тайнъ его царицъ:
Куда сокроюсь я? чья защититъ пріязнь?
Неизбѣжима мнѣ позорна, люта казнь!
(Подумавъ.)
Но тонкимъ ли я быть вельмодей не умѣю?
О хитрость! в къ тебѣ днесь обратиться смѣю.
(Уходитъ.) (229)

Соверн наносит предупреждающий удар: он предъявляет Ироду «хартию» с якобы любовным посланием Мариамны к певцу. Ирод в бешенстве:

Царицина рука! о стыдъ! О Мариамна!
Скорпіи можетъ ли болѣзненнѣй быть рана?
Бывалъ ли молніей такъ холмъ свирѣпо жжень,
Какъ лютой я твоей измѣной поражень? (243)

Он приказывает Антипатру казнить несчастного певца:

Скорѣ поспеши мою обиду мстить,
Лютѣйшей смертію преступника казнить! (243)

Узнав о лютой смерти невинного юноши, Мариамна осмеливается бросить упрек мужу:

Но, Иродъ! если царь творить несправедливость, —
Есть надъ царями Царь, сей Царь царей есть Богъ,
Котораго перунь крушить гордынь ихъ рогъ.
О, если Онъ бросать его на насъ возстанеть,
За слезы и за кровь Юдеи не достанетъ.
Ахъ! трепещи, мой другъ, прогнѣвать ты Его! (249)

На этот раз царице достаточно легко удастся убедить Ирода в своей невиновности. Онъ смущенъ и молить о прощении:

Виновна ты... Ахъ нетъ! — я виненъ предъ тобою.
Простишь ли ты меня, коль буду я просить,
Или презрѣниемъ захочешь отомстить?
Рѣши мою судьбу. (252)

Окончательный, приведший к трагической развязке, удар наносит виночерпий Юда. Подкупленный Соломией и Антипатром Юда рассказывает Ироду, что Мариамна велела дать ему кубок с отравленным вином:

(Тъ же и Юда, держащій въ одной рукѣ кубокъ, а въ другой мѣшокъ со златомъ; вышелъ вдругъ изъ лѣсу, упадаетъ на колѣна)

Юда

Живъ Юды Богъ! живъ царь! Ихъ рабъ, представить смѣю:
Здѣсь злато, а здѣсь ядъ. — Царицыны они,
Чтобы пресѣчь твои ей ненавистны дни. (253)

На этот раз обвинение более серьезно — Антипатр и Соломия убеждают Ирода в том, что его жена стремится захватить власть. Ирод в смятении восклицает:

Погибъ весь разумъ мой!
Кто бы поверить могъ, что василискъ въ ней злой?
На чью привязанность и верность полагаться,
Коль должно женъ своихъ мужьямъ остерегаться?
О я несчастнѣйшій! тяжка судьба моя. (255)

«Семейные отношения Ирода и Мариамны зыбки, их союз внутренне готов к разрушению. Эта готовность, видимо, существовала задолго до воздействия на семью разрушающей воли и обусловлена была антиномичностью характеров, её (семью) составляющих... Конфликт между Иродом и Мариамной представляет собой столкновение чувств, эмоций, страстей. Ревнующему и подозревающему тирану противостоит оскорбленная в своих чувствах женщина, а в основе этого противостояния лежат не только личные качества героев, но и взаимная любовь»²¹.

Ирод являет собой олицетворение той злой силы, которая разрушила его семью и стала причиной смерти Мариамны. В последнем монологе тиран ужасается самому себе:

Геенна внутрь палить, вокруг всюду страшна мгла, —
Ужасная змѣя на грудь мою легла,
Рветъ лютый сердце звѣрь. Нѣтъ силъ, — ослабѣваю.
(Упадаетъ на кресла и, почувствовавшись, въ сумашествіи.)
Гдѣ, Мариамна, гдѣ тебя я обрѣтаю?
Межъ чистыхъ свѣтлыхъ водъ, въ лугахъ между цвѣтовъ,
Межъ Ангеловъ, въ тѣни маврѣйскихъ роцъ, дубовъ
Поешь съ пѣвцомъ, съ дѣтьми; эдемски слышу пѣсни,
Манишь меня къ себѣ. Но путь претить мнѣ тѣсный!
(Вскакиваетъ въ бѣшенствѣ.)
Нѣтъ! мрачныхъ предъ собой я вижу море волнь,
На колесницѣ въ нихъ погрязнулъ Фараонъ;
Разверстая земля пожрала Аввирона,
Гулъ слышу жалобна изъ преисподней стона;
Младенцевъ тысящи плывутъ ко мнѣ въ крови;
На блюдѣ голова въ неистовой любви
Творить упреки мнѣ и леть потоки кровны;
Несчетны остоны, толпы тѣней безмолвны
Съ окостенѣлыми очами вокругъ идуть
И кровь свою мнѣ пить пригоршми подаютъ;

²¹ Колосков А. Н. Историческая драматургия... С. 58.

Побѣдъ моихъ трубы ревутъ мнѣ въ слухъ отвсюды,
Передо мной лежать и позади тѣль груды ...
Раскаяніе рветъ, воображенье жжетъ ...
Ужасный полкъ духовъ отрады не даетъ! ...
Змѣистыхъ молний вокругъ стрѣль туча внизъ багрова
Летить, разить!
(Закрываетъ голову руками.)
Ахъ! гдѣ укроюсь? Нѣтъ покрова!
(Бѣжитъ и упадаетъ къ Маріамнинымъ ногамъ.) (290)

«В конечном итоге в трагедии происходит взаиморазрушающее столкновение двух миров, причем, если мир Соломии, Антипатра и прочих можно однозначно охарактеризовать как безнравственный, то противоположный мир более сложен (своей сложностью приближающийся к реальным жизненным отношениям). Создаётся это, в первую очередь, многоплановостью главного героя»²².

В истории русской трагедии «Ирод и Мариамна» занимает особое место, поскольку нарушает некоторые каноны. Это касается, прежде всего, изображения главного героя – царя Ирода. В классицистических трагедиях характеры героев заданы изначально, они статичны. «Характер в трагедии классицизма изображался в сопоставлении с антиномичным свойством. Так, противопоставлены друг другу Димитрий и Георгий Галицкий в трагедии “Димитрий Самозванец” Сумарокова, Мстислав и Замир в трагедии Николаева “Сорена и Замир”, Вадим Новгородский и Рюрик в трагедии “Вадим Новгородский” у Княжнина. Этой противоположностью и определялся конфликт в классицистической трагедии, прошедший путь от изображения внутренней борьбы между долгом и чувством в душе героя к преимущественному изображению противостояния добродетельных героев тиранам»²³.

²² Колосков А. Н. Историческая драматургия... С. 62.

²³ Там же.

Трагедия Державина, безусловно, связана с этой традицией. Однако ее отличительной чертой является проникновение в глубины человеческой души, отсутствие ярко выраженного противопоставления между добродетельным монархом (Архелай) и тираном, обусловленность конфликта личностными качествами главного героя.

ТРАГЕДИЯ «ТЕМНЫЙ»

В трагедии «Темный» конфликт заявлен изначально. Пьеса начинается с диалога князя Василия и Марии, из которого мы узнаем о злключениях главного героя и коварстве его двоюродного брата Шемяки, который оклеветал Василия и лишил его законного престола.

Василий, преданный и ослепленный, вынужден скитаться с женой и двумя сыновьями, однако путь невзгод и лишений стал для него путем к нравственному преображению: лишившись физического зрения, он обретает духовное, понимая всю тщетность земных страстей:

Темный

О божества земныя,
Которых высится къ звѣздамъ надменна выя!
Разительный урокъ на мнѣ, на чадахъ сихъ
Вы видите теперь. — Во замыслахъ своихъ
На скипетръ опершись, блистаючи въ порфирѣ,
Не думайте, что вы безбѣдны въ здѣшнемъ мѣрѣ.
Подъ солнцемъ смертныхъ жизнь равно всѣхъ —
персть и тма:
Порфира и кошель, чертоги и тюрьма
Быть могут жребій вашъ.
(Къ Иоанну.)
О сынъ! оставь киченье,
Покорствуй Промыслу, смирись въ благоговѣнѣ.
Противень гордымъ Богъ; шлеть кроткимъ благодать. (393)

Основную роль в развитии конфликта играют не столько царственные герои, сколько их приближенные. После несчастья, постигшего князя, верным ему остается только бывший боярин Темного Багрим, которого князь много лет назад «безвинно огорчил».

Багрим со своим сыном Державой приходят на помощь семье опального князя, освобождая их из-под стражи.

Багрим уверен, что власть в государстве должна принадлежать получившему её по закону. Он стремится восстановить справедливость и заручается поддержкой Репола — своего давнего друга.

«В диалоге с Реполом Багрим актуализирует понятие, которое четко обозначится в истории русской литературы несколько позднее и которое в данном случае условно можно назвать “честь” (в ответ на перечисление негативных качеств Темного он отвечает: “Я присягал ему”. Кстати, сам Репол, увидев Темного в плачевном состоянии, произносит: “Какое зрелище! царь в бедстве дух мой рвет. Клянусь помочь ему!..” Интересно, что Темного он называет не по имени, а подчеркивает его статус “царь”, хотя в этот момент Василий Васильевич власти не имеет. Можно предположить, что Репол, критически отзывавшийся о личных качествах Темного, осознает собственную степень важности в величии власти, притом законной власти»²⁴.

Багрим убеждает Репола:

Измѣнники царей измѣнники суть царствъ,
Я мню, почтеннѣй жить смиренно в низкой долѣ,
Чѣмъ безъ достоинствъ сѣсть усиленно на престолѣ... (415)

Репол обращает на свою сторону остальных бояр:

Любовь къ отечеству — всегда священный долгъ;
Но отъ измѣнниковъ кто скиптръ пріять возмогъ,
Тотъ можетъ и себѣ подобной ждаты измѣны
И всѣхъ подозрѣвать. (421)

Впоследствии определение «изменники» Репол повторяет еще раз: «Изменники сего достойны награжденья» (422). В финале трагедии Ощеря от имени всех воевод, обращаясь к Шемяке, говорит о том, что они предпочитают смерть измене:

Ощеря

(и всѣ прочіе, упавши на кольни, преклоняя головы и мечи оборотя рукоятками, подають Шемякѣ.)

²⁴ Колосков А. Н. Историческая драматургия... С. 65.

Пролей всю нашу кровь.
Главы свои кладемъ мы подъ съкиры купно,
Но не простремъ своихъ рукъ на царя преступно,
И той вины своей не можемъ заслужить,
Что на тебя его дерзнули промѣнить.
(Указывая на Темнаго.) (465)

Нельзя обвинить бояр в предательстве по отношению к Шемяке, поскольку они поступают согласно прежде данной присяге: «Василью прежде мы клялися, чем тебе» (466)²⁵.

Подобное отношение провоцирует своими действиями сам Шемяка:

Руно

Щедроты чужды мы, Шемякою сулимой.

Бобурь

Но видимъ напротивъ, каковъ онъ сталъ теперь.

Ладья

Премѣненъ, будто вѣтръ; а злобень, будто звѣрь.

Драница

Съ невинныхъ рветъ главы по тѣнямъ подозрѣнья. (422)

«Таким образом, как видим, в данном случае конфликт и развязка в трагедии детерминированы исключительно личными качествами героев»²⁶, в отличие от других классицистических произведений (например, «Эдип в Афинах» Н. Озерова), где «Провидение, свидетельствующее о сакральных началах власти, напрямую включается в ход событий»²⁷.

²⁵ Ср. точку зрения Над. Вальденберг: «...верность государю, основанная на подчинении божественной воле, не имеет отношения к его личности, а связывает подданного с ним, как представителем принципа власти, без всякого обсуждения его достоинств или недостатков». См.: Вальденберг Над. Державин 1816—1916. Опыт характеристики его мирозерцания, Пг., 1916. С. 121.

²⁶ Колосков А. Н. Историческая драматургия... С. 67

²⁷ Там же.

ТРАГЕДИЯ «ЕВПРАКСИЯ»

В «Предуведомлении» к трагедии «Евпраксия» автор, предваряя трагическую коллизию своего сочинения, создает патетический контекст, в котором разворачивает историю противостояния славян и орд кочевников. Он пишет: «Изъ самой древности, то есть, съ 967 года племени татарскія, извѣстныя подъ названіемъ Печенѣговъ, Половцевъ, Булгаръ, Мунгаловъ, Чипчаковъ, Торковъ, Агарянь, Сарацынь, Берендѣевъ и прочихъ, начали вторгаться внезапно и явными нашествіями въ Россію, разорять и расхищать оную. Таковыя наши бѣдствія продолжались непрерывно нѣсколько вѣковъ, пока мудрый и храбрый государь, царь Іоаннъ Васильевичъ, укротилъ ихъ дерзость, покоря скипетру своему царство Казанское и Астраханское, — или, основательнѣе сказать, покуда въ блистательную эпоху нашу Екатерина Великая не унизила гордости Порты Оттоманской, не изгнала изъ Крыма многочисленныхъ ордъ и не обузда кавказскихъ, чѣмъ и даровала прочное и незыблемое спокойствіе отечеству нашему со стороны Азіи» (295–296). Замечательно, что в эту историческую перспективу Державин включил двух великих правителей — Ивана Грозного и Екатерину Великую, выстраивая своеобразную парадигму создания и сохранения России, в которой прослеживаются ее исторические пути от времен феодальной раздробленности, когда Русь не могла противостоять ордам кочевых племен до установления абсолютной монархии, венцом которой стало правление Екатерины II. Таким образом, история, взятая, по словам Державина, «изъ самой древности», послужила поводом воспеть деяния императрицы.

Фабула произведения очень незамысловата — Батый с «безчисленными ордами» устремился в рязанские земли и дошел до Воронежа, откуда отправил посольство к рязанским князьям Юрию и Олегу, требуя дань имуществом и людьми. Юрий

просит помощи других князей, но одни отрекаются от него, а другие — ближайшие его родственники — советуют откупиться от завоевателей. Батью подносятся бесчисленные дары, но хан, кроме золота, по словам Державина из «Предупреждения», «бывъ распалень сластолюбиемъ, требоваль себѣ въ гаремъ прекраснѣйшихъ дочерей или сестръ княжескихъ» (296). К себе в гарем он требует супругу Федора Евпраксию. Князья уговаривают сначала Федора, потом Евпраксию согласиться на такую жертву:

Отечества раба ты тѣломъ и душой,
На волю небеса, не на дѣла взирають
И принужденныя паденья извиняють.
Ты не желай сама, но жертвой только будь. (325)

Федор наотрез отказывается выполнить это требование:

Мой долгъ не позабыть;
А развѣ вы, князья, вы, вы, его забыли,
Что слабой женщиной спасти себя возмнили,
Что, не простря своихъ къ оружію вы рукъ,
Поработили свой до низости той духъ,
Что княжеску жену даете вмѣсто дани,
Дабы избѣгнуть вамъ отъ предстоящей брани?
О стыдъ! о срамъ! о всѣхъ времянь для насъ позоръ!
Какъ не мрачите вашъ пятномъ симъ, Россы, взоръ?
Что въ слѣдъ орлиный вы, какъ прежде, не парите,
А пресмыкаяся, во прахѣ ползть хотите?
О Россь! воспрянь, вспомнь, что былъ, что нынѣ ты!
Звукъ славныхъ дѣлъ твоихъ промчался, какъ мечты;
Союзники тебѣ глумятся и сосѣды.
Гдѣ древнія твои гремящія побѣды?
Гдѣ доблестей твоихъ парящій въ міръ слухъ?
Гдѣ князи, гдѣ вожди, о Россы! гдѣ вашъ духъ?

Бывало сильныя страны вы потрясали,
Сестръ греческихъ царей и вѣру присвоили.
На струги паруса вамъ шили изъ камки,
Кунили златомъ миръ отъ вашей всѣ руки,
А нынѣ сами вы дотоль унижились,
Что срамомъ покупать покой вы свой рѣшились!
Встань, Игорь! Ярополкъ! Олегъ и Святославъ!
И, души множества въ вашъ поздный родъ вдыхавъ,
Являйтесь намъ въ огняхъ на стогнахъ средь отчизны,
И жгите насъ, поколь не сгладимъ укоризны,
Что стали мы изъ львовъ стада днесъ робкихъ сернь.
О Ольга мудрая! лучъ древнихъ царь времянь,
Владиміръ! отъ небесъ взгляните на Россію
И преклоненную ея возвысьте выю,
Чтобъ отъ оружья вновь дрожали всѣ ея.
А вы, коль въ брань идти робѣете, князья,
Благословенъ отцомъ,
(Указывая на Юрія.)
одинъ я ополчуся,
Одинъ съ полкомъ моимъ на смертный бой пушуся.
Мнѣ спутникъ будетъ мечъ, мой сынъ, моя жена. (328)

Своей речью Федор утверждает первенство морали и духа, господствующее в христианском обществе. В своем патриотическом порыве он говорит от лица всей русской земли, приводя в пример героические страницы русской истории. Раздробленную на княжества Русь Федор мыслит единой в христианской вере.

Федор попадает в плен, где погибает. Батый хитростью хочет овладеть княгиней, предъявляя ей венчальное кольцо супругов и рассказывая о мнимой измене Федора:

Пойми же изъ сего несчастье ты свое
И не мечтай, чтобъ былъ супругъ тебѣ твой вѣренъ.
Оставилъ онъ тебя, — сей знакъ неліцемѣренъ.

Ты сумнѣваешься? вѣрь, юная жена,
Что участь ужъ твоя теперь премѣнена.
Батый теодору изъ личныя отмѣны
Позволилъ входъ въ шатеръ, живутъ его гдѣ жены.
Красавицъ лишь въ соборъ вступилъ сей юный князь,
Отвсюду пораженъ былъ блескомъ ихъ заразы,
И вмигъ онъ обратилъ свой взоръ и вздохи тайны
На образъ милоя Батыевой султаны,
Прелестнѣйшей изъ всѣхъ. — Султанъ примѣтилъ то;
Но, дерзость такову поставя ни во что,
Позволилъ хитростно внѣдрять имъ страсть взаимно:
При вѣтрѣ огонь въ младыхъ сердцахъ пылаетъ сильно;
Твой князь любовь свою султаншѣ въявь открылъ
И симъ ее кольцомъ обручнымъ подарилъ,
Давая знать чрезъ то, тебя что покидаетъ
И сердце что другой на вѣчность посвящаетъ.
Мой царь былъ симъ сраженъ, не вѣдавъ что начать,
Но вспомня, что тебя рѣшился обожать,
Велѣлъ къ тебѣ довести супружества измѣну,
И съ миромъ у князей просить размѣна плѣну. —
Теодоръ плѣнникомъ себя Фатимы чтеть;
Батый же плѣнникъ твой, — препятствъ къ размѣну нѣтъ.
(351)

Не сообщая, что ее муж убит, хан ставит Евпраксии условие — он пощадит жителей, если она согласится стать наложницей. Его цель — не столько завладеть Евпраксией, сколько духовно унижить русский народ:

Батый
(Одинъ.)

Россіянь одолѣнье
На браняхъ — верхъ мнѣ хвалъ; равно и вовлеченье
Ихъ добродѣтельной жены въ любовну страсть
Не меньше славно мнѣ, какъ крѣпкій городъ взятъ.

Двойной побѣдой сей, о! какъ я восхищаюсь,
Что скоро получить желанья приближусь!
Сей градъ плѣню; на одрѣ мой вздыдетъ красота,
Багровый дождь и мракъ покроетъ здѣсь мѣста.
На чтожь союзъ князей? Я мѣры взялъ другія:
Дивясь, пусть задрожать, а съ ними и Россія.
Когда падетъ предъ мной, рабыней ставъ моею,
О, сколько я пролью невѣрныхъ слезъ, кровей!
Блескъ свѣтъ на ихъ гробахъ какъ степь въ ростъ зардится, —
Батый симъ торжествомъ заранѣ веселится. (362)

Княгиня отказывается, и в ее словах звучит та же тема, что и в словах ее мужа:

Евпраксія

Коль быть бы то могло, то можешь развѣ ждать
Отъ мужа, отъ отца, князей моихъ собранья;
Прямыхъ же чувствъ моихъ увидишь основанья,
Когда Феодоръ мнѣ письмо свое пришлетъ.

Батый

Благоволителенъ ко мнѣ князей совѣтъ,
И я соглася ихъ навѣрно ожидаю.

Евпраксія

Или они ужъ всѣ — я вѣрить не дерзаю, —
Безъ мужества вожди, безъ чувствія судьби!
О рокъ! окончъ скорѣй удары мнѣ твои!

Разверзися, земля, и скрой меня ты тмою:
Тамъ ложе брачное, Батый, тебѣ со мною. (359)

Узнав о смерти мужа и понимая, что позора избежать невозможно, Евпраксія покончила с собой:

Евпраксія

(На переходахъ терема взявъ отъ Софїи младенца.)
Послѣдній мой отдавъ супругу гробный долгъ
Любви моей къ нему и вѣрности въ залогъ,
Се даръ я приношу душѣ его безцѣнный,

Себя и сына съ нимъ вселяю въ міръ безбѣдный. —
Тирань! безсиленъ ты надъ русской красотой.
О Боже чистыхъ душъ! будь покровитель мой!
Самоубійство скрой, щедроты, свѣта бездна!
Спаси отечество, — прости, страна любезна!
Батый! приди и здѣсь бракъ торжествуй со мной!
(Батый дѣлаетъ къ ней шагъ, а она съ младенцемъ падаетъ
внизъ.) (378)

Заканчивается трагедия оптимистически — приходит весть о гибели Батыя и победе русских войск. В целом пьеса очень статуарна, она изобилует монологами главных героев, которые, по авторскому замыслу, должны показать величие русского духа. Главный герой представляется благородным рыцарем, готовыми до конца следовать своему христианскому долгу. Батый и его наперник Бурундай — коварными и жестокими язычниками. Впрочем, диалоги их автор также использует как повод подчеркнуть духовное превосходство христианской цивилизации.

Как кажется, именно это является идейной доминантой трагедии. Христианская вера стала залогом будущего величия России. Эта мысль в контексте «Предупреждения» оказывается спроецированной на екатерининскую эпоху, хотя пьеса была начата в 1808 году, завершена в феврале 1809, когда у власти уже стоял Александр I. Одним из поводов к созданию произведения послужило приглашение Российской академии сочинить трагедию из отечественной истории. Державин, вдохновленный этой идеей, сравнительно быстро написал пьесу, надеясь на ее постановку на петербургской сцене. Член распорядительной комиссии императорских театров князь А. А. Шаховской согласился, с условием, что трагедия будет сокращена. Возможно, именно этим объясняется некоторая «смазанность» кон-

цовки. Впрочем, пьеса так и не была поставлена. Интересное суждение Е. Болховитинова о пьесе приводит Я. Грот: «Трагедию *Евпраксию* переписавши, возвращу вашему высокопр. съ моею благодарностію осенью. Монологи Евпраксиины весьма характерны, а патриотизмъ разлитъ по всей трагедіи разительнѣйшими чертами, которыя могутъ пристыдить насъ въ нынѣшнее время»²⁸. Таким образом, можно утверждать, что Державин создавал идеальный образ, который должен служить примером современникам.

²⁸ Цит. по: Сочинения Державина: [в 9 т.] / с объясн. примеч. [и предисл.] Я. Грота. — СПб.: изд. Импер. Акад. Наук: в тип. Импер. Акад. Наук, 1864—1883. Т. 4. С. 303.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДЕРЖАВИНА

Поэта интересуют в первую очередь не факты, а уроки истории.

Так, урок, который необходимо извлечь читателям (зрителям) трагедии «Евпраксия», заключается в том, что единство князей и верность христианскому долгу помогает в конечном итоге одержать победу над войсками Батгя.

В предисловии к трагедии «Пожарский, или Освобождение Москвы» Державин обращает внимание на значение личности в объединении народа перед угрозой уничтожения государства: «Поистинѣ, когда Пожарскій, пренебрегши свое спокойствіе и не смотря на раны свои, въ смутное время принялъ на себя главное предводительство собраннаго войска; не поступилъ по тогдашнимъ обычаямъ жестоко со злодѣями, на убійство его покушавшимися; не прельстился богатствомъ бояръ, изъ осажденной Москвы имъ выпущенныхъ; не обходился съ плѣнниками сурово, какъ другіе, которые ихъ имѣніе ограбили, а самихъ лишили жизни; не принялъ короны, отъ народа ему поднесенной, какъ нѣкоторые иностранные писатели и всѣ обстоятельства утверждаютъ, а возложилъ ее на наследника по крови царской, учредя монархическое правленіе: то не былъ ли онъ герой высшей степени, человекъ самый добродѣтельный, великій, каковымъ мало исторія представляетъ и каковымъ я его представляю, придавъ ему слабости, не побѣды которыхъ, никто великимъ почитаться не можетъ?» В «Предупреждении» к трагедии «Евпраксия» автор рассматривает причины, по которым стало возможным столь долгое униженное состояние российского государства: «Историки говорятъ, что въ теченіе почти семи вѣковъ предки наши были противъ сихъ варваровъ легковѣрны, незначительны о своей

безопасности и оплошны въ тишинѣ. Довольствовались одною обороною отъ ихъ набѣговъ, не помышляя о надежнѣйшемъ своемъ и потомства огражденіи. Нѣсколько разъ были обмануты то ложнымъ миромъ, то ухищреннымъ союзомъ, то тайными предательствами и измѣнами. Сии злѣйшіе враги христіанства разсѣвали между князьями нашими распри и раздоры, домогаясь при всякомъ случаѣ истребить православную нашу вѣру и охладить любовь къ отечеству; а сіе все вообще раздирало, расслабляло и истощевало до крайности силы государства нашего» (295).

В предисловии к опере «Грозный, или Покорение Казани» Державин указывает на героическое прошлое, в котором он видит аллегорію настоящего: «Содержаніе ея я взялъ изъ казанской исторіи и тамошняго края татарскаго баснословія. Къ нынѣшнимъ военнымъ обстоятельствамъ мнѣ показалось оное прилично. Ничего, кажется, нѣтъ подобнѣе кровожаждущимъ варварскимъ ордамъ нынѣшнихъ Французовъ; вождя ихъ — волшебнику Нигрину, который болѣе обманомъ, обаяніемъ и хитростями своими, нежели истиннымъ мужествомъ хотѣлъ устрашить своихъ противниковъ; Змѣя — адскому демону, всю злобу на Россію изрыгавшему; Иоанна (кромѣ грознаго его нрава) — великодушному и прибѣжному къ Богу, Александру, побѣдившему враговъ всей вселенной и утвердившему свободу и блаженство не токмо Россіи, но и всей Европы» (582).

Проводя параллели между прошлым и настоящим, Державин пытался выявить причины, которые определили исторический путь России. События давно минувших дней поэт рассматривал как определенный опыт, осмысление которого помогает в познании проблем современности. Державин, таким образом, усматривал в истории России поступательное

движение от национальной и государственной разобщенности к единению. Для поэта идеальное социальное устройство – просвещенная христианская монархия, которая в драматических произведениях зачастую изображается путем противопоставления тирании, которая мыслится как варварское, языческое государственное устройство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Державина без преувеличения можно назвать предтечей современной русской поэзии и, шире, литературы, преодолевшим инерцию тяжеловесного классицистического слога и в то же время воплотившим в своем творчестве все лучшее из наследия русской и европейской словесности. Творчество Державина охватывает почти полувековой период (1767–1816) – это время становления новых литературных форм русской словесности, формирования современного русского литературного языка. Творчество Державина, находясь в эпицентре этого процесса, оказало решающее влияние на литературный язык и отечественную словесность.

Драматические произведения Г. Р. Державина составляют значительную часть его творческого наследия: из пяти томов прижизненного собрания сочинений драматическим произведениям посвящен один том, общее число произведений в этом роде вместе с неоконченными и переводами (по Я. Гроту) составляет 23 текста. Жанровый состав драматургии Державина поражает своим разнообразием – это либретто торжеств, празднеств, опер, балетов; это – прологи (небольшие драматические представления), драматические представления с музыкой; это, наконец, трагедии и комедии.

Значительный интерес представляют драматические произведения Державина на исторические темы, в которых автор творчески излагает свою концепцию истории России как историю становления православной монархии.

Другие тексты, например прологи, важны более как памятники эпохи, без которых невозможно в полной мере восстановить исторический и литературный контекст, пожалуй, самого блестящего века российского государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Тексты

1. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. СПб., 1864–1883.
2. Державин Г. Р. Собрание сочинений [Электронный ресурс] / Электронное издание (254 записи). Петрозаводск, 2011–2012. Режим доступа: <http://www.philolog.ru/DERZHAVIN/index.html>. 87 п. л. на рус. фр., греч. яз.
3. Державин Г. Р. Мысли мои // РО РНБ, ф. 247 Г. Р. Державина, т. 2.
4. Державин Г. Р. Сочинения и переводы в прозе, часть V // РО РНБ, ф. 247 Г. Р. Державина, т. 4.

Исследования

5. Абакумов С. Об отношении Державина к народной поэзии (к вопросу о развитии идей народности в конце XVIII – начале XIX в.) // Вестник образования и воспитания. Казань, 1916. № 5–6. С. 302–316.
6. Алексеев М. П. Очерки истории испано-русских литературных отношений XVI – начала XIX вв. Л., 1964.
7. Альтшуллер М. Г. Предтечи славянофильства в русской литературе (Общество «Беседа любителей русского слова»). Ann Arbor. Michigan. 1984.
8. Альтшуллер М. Г. «Ирод и Мариамна» Гавриила Державина (К вопросу о формировании русской преромантической драмы) // Гавриила Державин (1743–1816): Сб. статей и материалов. Норвич: Вермонт. 1995. С. 224–233.
9. Арапов П. Летопись русского театра. СПб., 1861.
10. Бабкин Д. С. Архив Г. Р. Державина в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) Академии Наук СССР // ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР. Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. III. М.; Л., 1952. С. 71–84.

11. Благой Д. Д. Державин. М., 1944.

12. Благой Д. Д. История русской литературы XVIII в. М., 1945.

13. Бочкарев В. А. Русская историческая драматургия начала XIX в. (1800–1816) // Ученые записки Куйбышевского педагогического института имени В. В. Куйбышева. Вып. 25. Кафедра русской и зарубежной литературы. Куйбышев, 1959.

14. Бочкарев В. А. О некоторых особенностях трагедии Г. Р. Державина «Ирод и Мариамна» // Г. Державин. История и современность. Казань, 1993. С. 7–16.

15. Бухаркин П. Е. Автор в трагедии классицизма // Автор и текст, выпуск 2. СПб., 1996.

16. Всеволодский (Гернгросс) В. Театр в России в эпоху Отечественной войны. СПб., 1912.

17. Вальденберг Над. Державин 1816–1916. Опыт характеристики его мирозерцания. Пг., 1916.

18. Вильк Е. А. К истории творческого диалога Державина и Озерова: поэзия и политика // Державинские чтения (вып. 1). СПб., 1997.

19. Виноградов А. М. Поэтический манифест в борьбе за национальное русское искусство. (Героическая песнь «Добрыня» Н. А. Львова) // Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Вып. 4. Л., 1980.

20. Всеволодский-Гернгросс В. Н. Русский театр второй половины XVIII века. М., 1960.

21. Глинка Н. И. Державин в Петербурге. Л., 1985.

22. Грот Я. Жизнь Державина. М., 1997.

23. Гроссман Л. П. Пушкин в театральных креслах. Картины русской сцены 1817–1820 гг. Л., 1926.

24. Гуковский Г. А. Литературное наследство Г. Р. Державина // Литературное наследство. Т. 9–10. М., 1933. С. 369–396.

25. Гуковский Г. А. Русская литература XVIII в. М., 1939.

26. Гурьянова Г. И. Фольклорные мотивы в театральном представлении Г. Р. Державина «Добрыня» // Г. Державин. История и современность. Казань, 1993. С. 15–16.

27. Дейч А. Расин и русская культура // Иностранная литература. 1940. № 1. С. 152–156.

28. Демин А. С. Русская литература второй половины XVII – начала XVIII века. М., 1977.

29. Демин А. О. Неизданное произведение Г. Р. Державина (Черновик либретто оперы «Эсфирь» в РО РНБ) // Материалы XXXIII МНСК «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск, 1995. С. 67–68.

30. Демин А. О. Стиль динамической живописности как выражение принципа театрализации в творческом методе Г. Р. Державина (Поэтика Г. Р. Державина в контексте театральной эстетики Вольтера и П. Гонзага) // Материалы XXXV МНСК «Студент и научно-технический прогресс». Филология. Новосибирск, 1997. С. 82–84.

31. Демин А. О. Об одном из возможных источников письма Татьяны к Онегину (Г. Р. Державин «Ирод и Мариамна») // Материалы к «Словарю сюжетов и мотивов русской литературы»: От сюжета к мотиву: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1996. С. 137–140.

32. Демин А. О. Театрализованные формы в лирике Державина // Гуманитарные науки в Сибири. 1997. № 4. С. 33–44.

33. Демин А. О. К истории русских поэтических обработок мифа о Персее и Андромеде (Г. Р. Державин и М. А. Кузмин) // Русская литература. 1998. № 4. С. 156–159.

34. Демин А. О. О театральных источниках кантаты Г. Р. Державина «Персей и Андромеда» // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 3: Литературное произведение: сюжет и мотив: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1999. С. 37–46.

35. Г. Державин. История и современность. Казань, 1993.

36. Державина О. А. Русско-европейские литературные связи в области драматургии на рубеже XVII–XVIII вв. (История Есфири на школьной сцене западноевропейского и русского театра) // Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. М., 1973. С. 282–294.

37. Державинский сборник. Новгород, 1995.

38. Западов А. В. Мастерство Державина. М., 1958.

39. Западов А. В. Неизвестный Державин // Изв. АН СССР. Отд. литературы и языка. 1958. Т. 17. Вып. 1. С. 45–54.

40. Западов А. В. Гаврила Романович Державин. Биография. Пособие для учащихся. М.; Л., 1965.

41. Западов А. В. Текстология и идеология (Борьба вокруг литературного наследия Г. Р. Державина) // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. Вып. 4. Л., 1980. С. 96–128.

42. Западов А. В. Работа Г. Р. Державина над «Рассуждением о лирической поэзии» // Русская литература XVIII века в её связях с искусством и наукой, XVIII век, сб. 15. Л., 1986.

43. Зорин А. Глагол времен. Издания Г. Р. Державина и русские читатели // «Свой подвиг свершив...»: Сб. очерков. М., 1987. С. 6–154.

44. История русской драматургии. XVII – первая половина XIX в. Л., 1982.

45. Кабардин С. О. Державин – критик драматургии и театра // Писатели-критики: Материалы научно-теоретической конференции «Проблемы писательской критики». 26–28 мая 1987 г. Душанбе, 1987. С. 77–80.

46. Кокшенева К. А. Героическая опера Г. Р. Державина // Г. Державин. История и современность. Казань, 1993. С. 21–23.

47. Колосков А. Н. Трагедия Г. Р. Державина «Ирод и Мариамна» (к вопросу о художественном методе Державина-драматурга) // Поиск молодых: Сб. научных статей аспирантов. Уссурийск, 1998. С. 96–99.

48. Колосков А. Н. Историческая драматургия Г. Р. Державина: (Об истоках романтической драматургии) // Романтизм и его исторические судьбы: Материалы междунар. науч. конф. (VII Гуляевских чтений), 13–16 мая 1998. Ч. 2. Тверь, 1998. С. 37–41.

49. Кудрявцев И. М. «Артаксерксово действо» – первая пьеса русского театра // Артаксерксово действо. М.; Л., 1957. С. 4–168.

50. Ливанова Т. Н. Г. Р. Державин // Ливанова Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII в. и ее связи с литературой, театром и бытом. Т. 1. М., 1952. С. 150–188.

51. Лотман Ю. М. Идея исторического развития в русской культуре конца XIII – начала XIX столетия // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в., сб. 13. Л., 1981.

52. Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования: история русской прозы, теория литературы. СПб., 1997.

53. Макогоненко Г. П. Из истории формирования историзма в русской литературе // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII – начало XIX в., XVIII век, сб. 13. Л., 1981.

54. Маргиналии русских писателей XVIII в. СПб., 1994.

55. Материалы к истории театральной культуры России XVII–XIX вв.: Аннотированный каталог / Сост. В. Ф. Петрова. Вып. 1–3. Л., СПб., 1980–1992.

56. Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980.

57. Москвичева Г. В. Русский классицизм. М., 1986.

58. Никитин А. Г. «Хочу попытаться в драматическом роде». Как Г. Р. Державин стал певцом Перми // Никитин А. Г. Уральская явка. Поиски. Находки. Встречи. Пермь, 1976. С. 150–165.

59. Обзорение трагедии «Эсфирь», переведенной с французского Павлом Катениным // Невский зритель. 1821. № 2. С. 164–172.

60. Омелько Л. В. «Добрыня» Г. Р. Державина // Державинский сборник. Новгород, 1995. С. 4–12.

61. Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1892 г. СПб., 1895.

62. Перегудина Т. Н. Вариантные беспредложные и предложно-падежные формы в текстах Г. Р. Державина: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1990.

63. Письма русских писателей XVIII в. Л., 1980.

64. Потапов П. О. Из истории русского театра. Жизнь и деятельность В. А. Озерова. Одесса, 1915.

65. Рабинович А. С. Русская опера до Глинки. М., 1948.

66. Разумовская М. В. Перуанка в романе мадам де Графиньи // Латинская Америка. 1976. № 6. С. 99–202.

67. Разумовская М. В. К вопросу о переводе «Писем перуанки» на русский язык // Зарубежная литература. Проблемы метода. Вып. 3: Межнациональный фактор в литературном процессе. Л., 1989. С. 193–202.

68. Романов Б. Н. Духовные стихотворения Державина // Г. Р. Державин. Духовные оды. М., 1993.

69. Ромодановская Е. К. Артаксерксово действо // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). А – 3. СПб., 1992. С. 113–116.

70. Русские драматурги XVIII–XIX вв. Монографические очерки в трех томах. Т. 1. Русские драматурги. XVIII в. Л.; М., 1959.

71. Русский музыкальный театр. 1700–1735. Хрестоматия / Сост. С. Л. Гинзбург. Л.; М., 1941.

72. Серман И. З. Гаврила Романович Державин. Л., 1967.

73. Серман И. З. Державин в новом веке // Новое литературное обозрение. 1997. № 27. С. 54–66.

74. Сперанская В. В. Историко-литературная судьба драматургии Г. Р. Державина // Историко-литературный сборник. Калуга, 1970. С. 3–29.

75. Сперанская В. В. Г. Р. Державин и И. А. Дмитриевский (К творческой истории трагедии Г. Р. Державина «Ирод и Мариамна») // Вопросы русской и зарубежной литературы. Тула, 1971. С. 40–62.

76. Сперанская В. В. Г. Р. Державин о театре и драматургии // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. Вып. 1. Л., 1974. С. 137–148.

77. Сперанская В. В. Художественное своеобразие исторической драматургии Г. Р. Державина («Пожарский, или Освобождение Москвы») // Проблемы мастерства писателя. Тула, 1975. С. 86–103.

78. Сперанская В. В. Трагедия Г. Р. Державина «Атабалибо, или Разрушение Перуанской империи» (к истории создания) // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. Вып. 2. Л., 1976. С. 63–73.

79. Стенник Ю. В. Жанр трагедии в русской литературе. Эпоха классицизма. Л., 1981.

80. Творчество Г. Р. Державина: проблемы изучения и преподавания: Материалы юбилейной международной научной конференции. 14–16 сентября 1993. Тамбов, 1993.

81. Успенский Б. А. Язык Державина // Из истории русской культуры. Т. 4. XVIII – начало XIX в. М., 1996. С. 781–806.

82. Фаррар Ф. В. Ироды, главные представители их династии и подробности жизни каждого из них // Совесть и грехопадение. СПб., 1998.

83. Фигут Р. Автор и драматический текст // Автор и текст. Вып. 2. СПб., 1996.

84. Фридендер Г. М. История и историзм в век Просвещения // Проблемы историзма в русской литературе. Конец XVIII–начало XIX в., XVIII век, сб. 13. Л., 1981.

85. Ходасевич В. Ф. Державин. М., 1988.

86. Щербакова М. Н. Музыка в русской драме (1756 – первая половина XIX в.). СПб., 1997.

87. Эткинд Е. Актуальность Державина // Russian Literature and History: In Honour of Professor I. Serman. Jerusalem, 1989. P. 16–26.

88. Эткинд Е. Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психопозетики русской литературы XVIII–XIX вв. М., 1998.

Словари

89. Драматический словарь, или Показания по алфавиту всех российских театральных сочинений и переводов с означением имен известных сочинителей, переводчиков и слагателей музыки, которые когда были представлены на театрах и где и в которое время напечатаны. В пользу любящих театральные представления. Собранный в Москве в типографии А. А. 1787 года.

90. Ломоносов. Краткий энциклопедический словарь. СПб., 1999.

91. Музыкальный Петербург – XVIII век.: Энциклопедический словарь. СПб., 1996–1998. Т. 1–2.

92. Пави Патрис. Словарь театра. М., 1991.

93. Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб., 1999.

Учебное издание

Соболев Николай Иванович

Драматургия Г. Р. Державина

Учебное пособие

по курсу «История русской литературы XVIII в.»

Редактор А. Б. Соболева

Художественный редактор А. С. Авласович

Подписано в печать 14.12.12 . Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 2. Тираж 100. Изд. № 239.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ
185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33